

American University
of Central Asia

IFEAC

aigine

CENTRAL ASIAN
STUDIES INSTITUTE

Международное научное совещание
«Переосмысление восстания 1916 года
в Центральной Азии»

СБОРНИК СТАТЕЙ

Rethinking the 1916 Uprising in Central Asia

Международное научное совещание
«Переосмысление восстания 1916 года
в Центральной Азии»

СБОРНИК СТАТЕЙ

Бишкек-2017

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)
М 43

Редакторы:

Гульнара Айтпаева, д-р. ф. н., профессор, Айгине КИЦ,
Оливье Феррандо, PhD, н. с., Центр международных исследований (Sciences Po),
Чолпон Чотаева, д. и. н., профессор, АУЦА,
Чинара Эсенгул, к. п. н., доцент, КНУ им. Ж. Баласагына,
Элмира Көчүмкулова, PhD, с.н.с., УЦА.

Рецензенты:

Амантур Жапаров, канд. ист. наук, с. н. с., Национальная академия наук КР,
Аминат Чокобаева, PhD candidate, Австралийский Национальный университет,
Александр Моррисон, PhD, профессор, Назарбаев университет,
Клоэ Дриё, PhD, м. н. с., Центр турецких, оттоманских, балканских и центрально-азиатских исследований (EHESS),
Татьяна Котюкова, доцент, с. н. с., Российская академия наук.

Технический редактор:

Аида Абдыканова, канд. ист. наук, доцент, АУЦА.

Дизайн:

Рузиали Рузиматов.

М 43 **Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»:** сб. статей. — Бишкек: Нео Принт, 2017. — 180 с.

ISBN 978-9967-32-194-6

В настоящее издание вошли научные статьи участников Международного научного совещания «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии» на кыргызском и русском языках. На совещании рассматривался очень широкий спектр вопросов, таких как историография восстания, причины и ход восстания, новые источники и архивные данные по восстанию 1916 года, последствия и уроки восстания, отображение восстания в литературе и искусстве. Опубликованный сборник вносит существенный вклад во всестороннее научное изучение восстания 1916 года в Центральной Азии.

М 0503020000-17

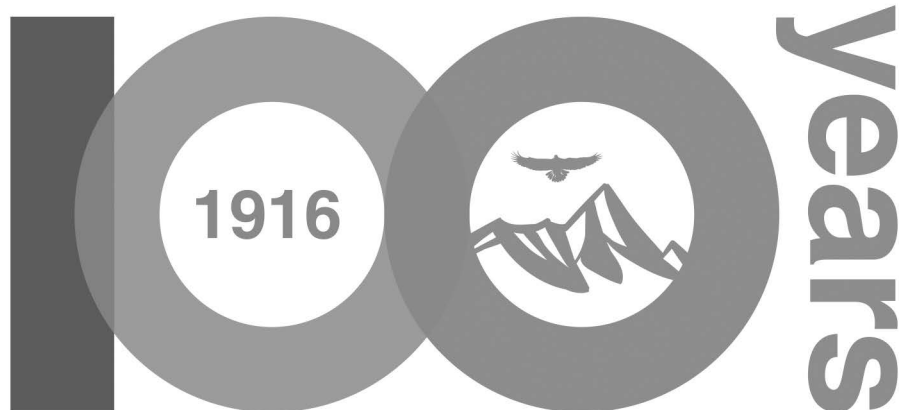
УДК 94 (47)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-9967-32-194-6

© Американский университет в Центральной Азии

*1916-жылкы Борбордук Азиядагы
көтөрүлүштөн жабыркагандардын
жаркын элесине арналат...*

Rethinking the 1916 Uprising in Central Asia

*Светлой памяти жертв восстания
1916 года в Центральной Азии
посвящается...*

Содержание

Вводное слово	9
ЧАСТЬ 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА	
<i>Александр Локшин</i>	
Из истории изучения восстания в Центральной Азии в 1916 г. в советской и российской историографии. Некоторые особенности и характеристики	19
<i>Зайраш Галиева</i>	
Восстание 1916 г. в Кыргызстане и Центральной Азии: новые подходы и интерпретации	32
<i>Нумонджон Гафаров</i>	
Об отношении джадидов к восстанию 1916 года в Центральной Азии	40
ЧАСТЬ 2. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ И АРХИВНЫЕ ДАННЫЕ ПО ВОССТАНИЮ 1916 ГОДА	
<i>Александр Пылёв</i>	
Тема среднеазиатского восстания и национальных движений тюркских народов в «Воспоминаниях» Зеки Велиди Тогана	49
<i>Татьяна Котюкова</i>	
Восстание 1916 года как общая трагедия	57
<i>Джамия Маджун</i>	
Борьба за опиум как одна из причин трагических событий в Семиречье в 1916 году	63
ЧАСТЬ 3. ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
<i>Хайдаршо Пирумшоев</i>	
Участие трудящихся Бухарского эмирата в восстании 1916 года в Средней Азии и Казахстане	73
<i>Набижон Рахимов</i>	
На перепутье: генерал-востоковед Н. С. Лыкошин и восстание 1916 года в Средней Азии	79
<i>Ойбек Махмудов</i>	
Участие местного населения в восстании 1916 года: представления и репрезентации российских колониальных чиновников	85
<i>Иномжон Мамадалиев</i>	
Восстание 1916 года: через призму XXI века (к вопросу пересмотра даты начала восстания)	94
<i>Томохико Уяма</i>	
Почему крупное восстание произошло только в Центральной Азии? Административно-институциональные предпосылки восстания 1916 года	101
ЧАСТЬ 4. ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В КЫРГЫЗСТАНЕ	
<i>Турдубек Шейшеканов</i>	
Предпосылки и причины восстания 1916 года на Иссык-Куле	113
<i>Мистегул Махмутбекова</i>	
Кыргызстандагы 1916-жылдагы көтөрүлүштү шарттаган тарыхый кырдаал	119
ЧАСТЬ 5. ПОСЛЕДСТВИЯ И УРОКИ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА	
<i>Төлөбек Абдрахманов, Гүлзада Абдалиева</i>	
1916-жылдагы көтөрүлүш. Кыргыздардын Кытайга качышы	130
<i>Александр Моррисон</i>	
Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года	141

ЧАСТЬ 6. ВОССТАНИЕ 1916 ГОДА В ИСКУССТВЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Хадича Шамбеталиева

Исторический факт в современной литературе
(о событиях 1916 года в киргизской литературе) 153

Гульбахрем Молотова, Эльвира Молотова

События 1916 года и их преломление в творчестве уйгурских народных певцов 163

АЛЕКСАНДР МОРРИСОН

*PhD, профессор,
Назарбаев университет,
Астана, Казахстан.
E-mail: alexander.morrison@nu.edu.kz*

Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года

История Первой мировой войны в Российской Центральной Азии изобилует вопросами, полностью или частично оставшимися без ответа. В предвоенные годы Российское имперское государство готовилось к более основательной эксплуатации сельскохозяйственных и природных ресурсов Туркестана, о чем недвусмысленно говорится в знаменитой «Записке» Главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина от 1912 года. В то же время, трудно сказать, было ли что-то предпринято в этом отношении до начала войны — и если было, то что [Кривошеин, 1912]. Весьма вероятно, однако, что эта новая политика, повышение налогов, и общее давление военного времени привели к перегреву местной экономики и к стремительной инфляции цен на продовольствие и на топливо. В этом отношении ситуация в Туркестане соответствовала общему положению российской экономики военного времени, которое Норман Стоун назвал «кризисом ускоренной модернизации» [Stone, 1975, 17].

В 1915 году Русский Туркестан собрал самый большой урожай хлопка за весь дореволюционный период, такой рекорд вновь удастся повторить лишь в 1929 г., но следующий год оказался неурожайным, а за ним, в 1917—1918 гг., последовали голод и убыль населения [Buttino, 1990, 59—74; *Economic Relationships...*, 1998, 194—209].

Любопытным фактором является наличие большого количества австро-венгерских военнопленных в регионе, начиная с 1915 года: впоследствии они сыграют ключевую роль в революциях 1917 года. Наиболее наглядными источниками того времени, которые хорошо иллюстрируют использование Временным правительством и большевиками хорошо обученных европейских солдат для контроля «туземного населения», являются Fritz Willfort *Turkestanisches Tagebuch. Sechs Jahre in Russisch-Zentralasien* (1930); P. S. Nazaroff *Hunted Through Central Asia* (1932); F. M. Bailey *Mission to Tashkent* (1946).

Наконец, что особенно важно, бремя, наложенное Первой мировой войной на государство и общество царской России, впервые вылилось в открытое восстание не в Петрограде в феврале 1917 года, а в Средней Азии в июле 1916 года. Восстание 1916 года можно понимать как часть того «непрерывного кризиса», который, по словам Питера Холквиста, охватил империю с августа 1914 года [Holquist, 2001], и как начало, согласно Джонатану Смилу, десятилетнего периода Гражданской войны, прокатившейся по всей территории Российской империи [Smele, 2015, 17—21]. У него, однако, были и более специфические, местные причины, а именно конфликты и конкуренция за земельные и водные ресурсы, разраставшиеся между переселенцами и кочевниками в предшествующие

двадцать лет, с тех пор, как славянские переселенцы в существенном количестве стали прибывать в населенные кочевниками области Русского Туркестана (главным образом, в Семиречье), при поддержке Переселенческого управления в Петербурге. Восстание 1916 года является ключевым для понимания падения царского режима в Средней Азии и провала колониализма в целом, а также для развенчания советского мифа о солидарности крестьян-переселенцев с местным населением [Сулейменов, 1963, 116—126; Брусникин, 1965, 28—38; Гинзбург, 1976, 201—205; Фомченко, 1983; Малтусынов, 2006, 21—34].

На протяжении десятилетий о нем мало что знали, поскольку западные историки имели доступ лишь к небольшой подборке опубликованных источников [Галузо, 1929, 39—94; Брайнин, Шарифо, 1935], а советские ученые, поначалу получившие возможность критиковать царскую колониальную политику, впоследствии вынуждены были принять весьма неправдоподобный взгляд на восстание 1916 года как на «революционный союз» переселенцев и кочевников против царского режима — взгляд и по сей день господствующий в некоторых российских публикациях [Кастельская, 1938; Турсунов, 1962; Кастельская, 1972]. Живучесть такого сомнительного толкования очевидна в работе О. И. Брусниной «Славяне в Средней Азии» [2001, 20—40, 137—47], и в части, посвященной восстанию 1916 года, в статье Н. Е. Бекмахановой [2008, 228—92]. Только теперь историки всерьез занялись этим вопросом. Лучшее описание восстания 1916 года и последующих репрессий можно найти в Jörn Happel *Nomadische Lebenswelten Und Zarische Politik: Der Aufstand in Zentralasien 1916* [2010]; Марко Буттино *Революция Наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР* [2007, 58—91]; Tomohiko Uyama ‘Two attempts at building a Qazaq State: The Revolt of 1916 and the Alash Movement’ in Stéphane Dudoignon & Hisao Komatsu (ed.) *Islam in Politics in Russia and Central Asia* [2001, 77—98]; Daniel Brower ‘Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916’ *Jahrbücher für Geschichte Ost Europas* [1996, 41—53]. Единственным полным англоязычным описанием является Edward D. Sokol *The Revolt of 1916 in Russian Central Asia* [1954].

Отчасти проблема понимания восстания связана с тем, что его история чаще всего оказывалась втянута в более широкое повествование о русской революции 1917 года, что приводило к телеологическим объяснениям, не принимающим во внимание специфический контекст Средней Азии и то, что в этот регион Февральская и Октябрьская революции попали «по телеграфу» [Буттино, 2007, 10], а не выросли из местной политической динамики. Важно вернуть это восстание в современный ему контекст и напомнить, что различные участники этого события не могли знать заранее о революции 1917 года в столице или о падении Временного правительства, так скоро последовавшего за февральским переворотом 1917 г. Вполне возможно, что восстание 1916 года было не просто прелюдией к среднеазиатским революциям 1917 года, а определило линии политического раздела и, что особенно важно, характер кровопролитий в Средней Азии в 1917—1920 гг.

С 1916 годом связано очень много вопросов, которые толком не исследованы или исследованы лишь частично: почему восстание вспыхнуло в городской среде, в Джизаке, и как оно перекинулось на области, населенные кочевниками? Почему самые серьезные кровопролития произошли вблизи Пишпека (киргизский

район) и Пржевальска (где первоначальная вспышка, судя по всему, произошла среди дунган)? Какую роль сыграла «туземная администрация», будь то в качестве жертвы или зачинщика? В какой мере восстание было спровоцировано краткосрочными причинами (инфляцией военного времени, повышением налогов), а в какой мере — более длительным недовольством крестьянским переселением? Почему колониальный режим настолько игнорировал народное недовольство, что летом 1916 года выпустил указ о призыве мусульман в трудовые батальоны, что послужило окончательным толчком к восстанию? Первоначальная инструкция поступила из Петрограда, но никаких намеков на какие-либо возражения на местном уровне в переписке по этому вопросу между Главным Штабом, исполняющим обязанности ташкентского генерал-губернатора фон Мартсоном и военными губернаторами различных провинций, не содержится (РГВИА, д. 736, 737). Возражения высказало лишь Министерство иностранных дел, да и то не потому, что сочло такой шаг необдуманным, а потому что с ним не проконсультировались: фон Клемм Беляеву 16/07/1916 [АВПРИ, д. 185, л. 246]. Наконец, как было подавлено восстание и каковы были последствия такого «усмирения»? Этот процесс продолжался и после революции в промежуточный период между февралем и октябрём 1917 года, пока новая волна насилия (в значительной степени, межэтнического) не захлестнула регион.

Трудности военного времени, несомненно, способствовали вспышке восстания, что является аргументом в пользу трактовки его как части «непрерывного кризиса» Холквиста. Даже поверхностный обзор туркестанской прессы за 1914—1916 гг. достаточно ясно демонстрирует серьезную озабоченность быстро растущими ценами на топливо и продовольственные товары на фоне возросших военных налогов. Смотрите например, «Война, Деньги и Дороговизна» Туркестанские Ведомости 09.06.1915; «Вопрос о дороговизне перед представителями городов» Туркестанские Ведомости 28.06.1915; «Военный Налог» Туркестанские Ведомости 14.07.1915; «Как растут цены» Туркестанский Курьер 12.07.1916; «Хлебный вопрос» Туркестанский Курьер 10.08.1916. До Первой мировой войны население Туркестана привыкло к довольно легкому налоговому бремени, и приспособиться к повышенным требованиям после 1914 года оказалось сложно. Реальная заработная плата по империи сократилась как минимум на 25% за первые два года войны, а в Средней Азии и того больше. Введение повинности на тыловых работах — поспешное, непродуманное, сопровождаемое тревожными слухами о том, что мобилизованных, на самом деле, отправят на фронт безоружными, стало последней каплей [Уама, 2001, 80—86; Ковалев, 1957, 63—115].

Однако то обстоятельство, что наиболее ожесточенным мятеж оказался в регионе с большим количеством поселенцев-крестьян и высокой конкуренцией за земельные и водные ресурсы (Семиречье), заставляет предположить существование более глубинных внутренних конфликтов, порожденных колонизацией и вышедших на поверхность в 1916 году. Именно к такому выводу пришли многие современники, подобно царскому инженеру Павлу Назарову, писавшему — «Такова в этой стране была система колонизации, ставшая основной причиной недовольства среди Киргизов, направленного против российских властей и вылившегося в восстание 1916 г. Эти меры пытались оправдать красивыми фразами о благотворном влиянии русских колонистов на грубых кочевников — благотворное влияние выражалось в обучении киргизов пить водку.» [Nazaroff, 1932, 139].

Недавние исследования показывают, что такого рода суждения — несмотря на их ретроспективный характер — содержат немалую долю истины. Кровопролития и вражда между переселенцами и кочевниками были не редкостью, а скорее, привычным явлением в годы, предшествующие 1916 году [Nappel; Малтусынов, 102—137; Будянский, 2006, 28—37]. Отчет графа К. К. Палена об официальной ревизии администрации Туркестанского края за 1910 год предупреждает, что бесконтрольная крестьянская колонизация «закладывает семена национальной розни в инородческом крае» [Пален, 1910, 406; Morrison, 2012, 1—29].

Но почему же тогда восстание застало колониальную администрацию, судя по всему, совершенно врасплох? Не считая общего кризисного состояния империи, связанного с войной, которое привело к принятию многих неудачных решений на самых разных уровнях и отвлекало власти от специфически среднеазиатских проблем, похоже, что даже самые осведомленные российские чиновники, хорошо владевшие местными языками, ожидали, что всякий мятеж примет религиозный характер и будет вызван исламскими «фанатиками» или иностранными агентами. Идея того, что восстание поддержала «невидимая рука» иностранных агентов была в то время довольно широко распространена, что неудивительно, поскольку она снимала с колониальных чиновников обвинение в некомпетентности — см., к примеру, «Донесение военного губернатора Семиреченской области ген. Фольбаума туркестанскому генерал-губернатору» в А. Чулошников (ред.) «К истории восстания киргиз в 1916 г.» [Красный архив, 1926, 72]. Нет никаких существенных доказательств вмешательства турецких или немецких агентов. См. А. Д. Васильев «К вопросу о внешнем влиянии на события 1916г.» в Т. В. Котюкова Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии) [2016, 108—113]. В январе 1916 года, когда губернаторы провинций Русского Туркестана собрались для обсуждения возможности введения воинской повинности среди мусульманского населения, идея была отвергнута главным образом из-за страха перед «фанатизмом» и происками турецких агентов, а некоторые выражали обеспокоенность в связи с относительно небольшой численностью русских переселенцев в районе и говорили о необходимости умножить русское население [АВПРИ, д. 340, л. 9—16]. При этом они, видимо, руководствовались примером единственного серьезного мятежа, случившегося в Русском Туркестане — Андижанского восстания 1898 года. [Моррисон, 2013, 44—87]. Гаппель и Уяма предположили, что если в некоторых районах мятежники действительно использовали религиозные лозунги, то ислам все же не был основным движущим фактором восстания [Uyama, 85—86; Nappel, 166—167].

Однако новые исследования особенно необходимы, именно по последнему вопросу о подавлении восстания и его последствиях, и о его связи с дальнейшим кровопролитием в ходе революции и Гражданской войны. В Туркестане подавление восстания самым тесным образом связано с именем Алексея Николаевича Куропаткина, как раз для этого и назначенного на пост генерал-губернатора в августе 1916 года. Именно он выступил с известным заявлением, что вся земля, «где пролилась русская кровь», будет передана крестьянам-переселенцам, и поддержал насильственное присвоение земли переселенцами, приняв роковое решение раздать им оружие [Галузо, 1926; Буттино, 2007, 72—73].

В дневнике он описывает свой отказ принять во внимание смягчающие обстоятельства, на которые указывал ему его переводчик, казахский инженер Мухаммад Тынышпаев — «Инженер Тынышбаев, киргиз, что едет со мною переводчиком, подал мне записку о причинах киргизских беспорядков в Аулиотинском уезде. По собранным им сведениям (опросом киргиз, односторонне), беспорядки возникли по вине администрации и русского населения. Администрация не разъяснила населению сущность требований, русское население подучало киргиз не давать рабочих. Страшало их, что заберет в войска. А про себя говорило, что — пусть бунтуют, у них отнимут земли и отдадут им. Когда беспорядки начались, русские грабили и убивали мирное киргизское население.

В действительности киргизы первые сделали гадость: напали на безоружных белобилетников, призывавшихся в войска, и убили до 30 человек. Тела бросили в колодезь.» [Восстание 1916 г., 1932, 56].

Впоследствии он разработал план, предполагавший разделение переселенцев и туземцев в духе апартеида и массовую депортацию киргизского населения из района вокруг озера Иссык-Куль в горную Нарынскую область, чтобы освободить место для русских переселенцев [Восстание 1916 г., 1932, 60; Буттино, 2007, 73—74]. В любом случае, тысячи киргизов и казахов уже бежали через границу в Китай, оставив свои земли. В Нарыне массовый исход в Китай начался еще до восстания и последовавших за ним карательных мер, подогретый слухами о том, что русские специально отбирают самых здоровых мусульман, чтобы заставить их работать между русской и немецкой линиями фронта, где их всех перебьют [РГВИА, д. 4546, л. 59]. Однако менее известен тот факт, что именно Куропаткин также положил начало первым мерам реабилитации беженцев. В январе 1917 года он обратился в Военное Министерство с просьбой выделить средства на борьбу с эпидемией тифа среди киргизов, бежавших в Кульджу, и на поддержку их возвращения в Туркестан, нуждавшийся в рабочей силе [РГВИА, д. 4639, л. 1].

В начале февраля Главный Штаб отпустил на эти цели полмиллиона рублей, хотя в Туркестан эти деньги попали лишь в марте, после Февральской революции [РГВИА, д. 4639, л. 5—6, 37]. Эти средства, вероятно, быстро ушли на зерно для возвращающихся беженцев, и выделенная сумма составила лишь малую долю тех убытков, на которые стали поступать жалобы от переселенцев, казахов и «туземцев». По оценкам реабилитационного комитета, созданного в мае 1917 года под председательством О. Шкапского, краеведа, сыгравшего видную роль в дореволюционной администрации, и Тынышпаева для определения убытков и запуска процесса строительства и нового заселения, 9 989 домашних хозяйств были уничтожены в одном только Семиречье и общая сумма убытков составила 31 млн руб. Комитет установил, что 300 000 «киргизов» (то есть казахов и кыргызов) бежали в разгар восстания и репрессий, и что 250 000 из них, или 50 000 семей, вероятно, вернутся назад (РГВИА, д. 4639, л. 54—57; Niccolò Pianciola, 2009, 124—126).

В декабре 1916 года Александр Керенский произнес в Думе пламенную речь, обличая и ошибочную политику, которая привела к восстанию, и карательные меры против мятежников в его родном Туркестане [РГВИА, д. 4639, л. 68—75; Доклад А. Ф. Керенского..., 1997, 4—22].

Постепенное возвращение беженцев в первой половине 1917 года поставило сложную задачу перед новым Временным правительством, в котором Керенский играл столь видную роль. Куропаткин был отстранен от должности 31 марта [Буттино, 2007, 108], но пришедший ему на смену Туркестанский комитет во главе с ориенталистом-радикалом В. П. Наливкиным [Абашин, 2005, 43—96], хоть и осудил публично карательную тактику Куропаткина, также склонялся к мысли о постоянной сегрегации поселенцев и местных жителей [Будянский, 2007, 78—109].

Документы из Джаркента, Пишпека и Пржевальска иллюстрируют попытки реабилитации и интеграции казахских и киргизских беженцев среди русских казаков и переселенцев, но также и возникшие отсюда конфликты — причем, что немаловажно, работой этой руководило то же самое Переселенческое управление, чья политика в свое время немало способствовала возникновению восстания [Holquist, 2010, 151—179].

В Жаланаше, к востоку от Верного, землемер, которому поручили расселение беженцев, сообщил — «...еще далеко не миролюбиво настроены в отношении киргиз. Случай же убийства в это время двух киргиз, находившихся у границ казачьяго надела подтверждал, что малейший и мало-значительный повод может вызвать нежелательныя последствия.» [ЦГА РК, д. 55, л. 36].

Его казахский помощник Ильяс Даулетбеков сказался больным, чтобы не сопровождать его в этот район, и он пришел к выводу, что возвращающихся в регион казахов придется расселять подальше от станиц. В поселке Красноярск Баянкольской волости он отмечал — «...в настоящее время прежния условия более менее смешанного землепользования и водопользования русских с киргизами совершенно невозможны, т. к. у русскаго населения еще свежи впечатления от бедствий, причиненных ему мятежом киргиз в прошлом году.» [ЦГА РК, д. 55, л. 38].

И снова он предлагает разделить поселения — «...в интересах того и другого населения как в данном районе Баянкольской — Ивановской вол., так и в других подобного рода условиях — признано необходимым установить районы временно обособленнаго землепользования между русским и киргизким населением.» (ЦГА РК, д. 55, л. 38).

Он рекомендовал подобную схему также для Нарынкольской, Альджан-Кегенской и шести южных волостей Джаркентского уезда. При этом он следовал рекомендациям комитета Шкапского-Тынышпаева, руководившего процессом переселения беженцев, и решил не допускать возвращенцев на всю территорию Иссык-Кульского района и существенной части Пишпекского уезда, полностью отделяя их от переселенцев повсюду за исключением нескольких районов, где «крестьяне настроены не столь враждебно» [РГВИА, д. 4639, л. 65; ЦГАР РК, д. 55, л. 51].

Несмотря на оговорку о «временном» характере такого порядка, непонятно, каким образом это разделение могло не стать постоянным после восстановления сельскохозяйственной деятельности, особенно учитывая то, как мало возможностей для налаживания связей между двумя общинами могло возникнуть в дальнейшем. Замалчивалось и то обстоятельство, что подобные планы были весьма невыгодны для возвращающихся казахских и киргизских беженцев,

вынужденных селиться на окраинных землях, удаленных от существующих крестьянских поселений и станиц, которые и так, как правило, занимали наиболее плодородные земли и существенно расширили свои владения во время «захвата земли», последовавшего за восстанием. Когда в Петербурге собралась комиссия, чтобы рассмотреть выводы Шкапского и Тынышпаева, в состав её, что немало важно, вошли Григорий Чиркин и А. А. Татищев, сотрудники Переселенческого управления в качестве представителей Министерства земледелия [Татищев, 2001, 259—261]. Она признала очевидную несправедливость плана Куропаткина окончательно лишить бежавших из Семиречья казахов и кыргызов прав на ранее принадлежавшую им землю и использовать ее для создания пяти новых казацких станиц, но согласилась с рекомендациями Шкапского и Тынышпаева о расселении беженцев и налаживании мирных отношений между ними и русским населением. Была объявлена общая амнистия участникам восстания, истолкованного как восстание против «старого режима», возможно, спровоцированное немецкими шпионами, а не как этнический конфликт. Комиссия постановила выплатить русским семьям по 500 руб. компенсации и по 1 000 руб. на восстановление жилищ, а 50 000 возвращающихся киргизских семей должны были получить по 100 руб. на кибитку, на что в общей сложности требовалось 11 150 000 руб. [РГВИА, д. 4639, л. 102—106].

Обращение к жителям Семиречья также делало упор на преступления царского режима и на необходимость братских отношений в новую эпоху свободы, которой положила начало революция — «Царская власть неумелыми действиями и распоряжениями по призыву инородцев к работам на оборону страны вселила в киргизов Семиречья тревогу; киргизы, боясь за свою судьбу, возстали. Разразилась междуусобица, жертвами которой оказались ни в чем неповинные русские люди, давнишние мирные соседи киргизов, а также и сами киргизы...

Богатое Семиречье, житница Туркестана, где русские и киргизы жили мирно и в довольстве, приходит в упадок.

Свободные Семиреченцы!

Тяжки ваши раны, велики ваши страдания, но путь к взаимному примирению есть. Раньше вы были чужды друг другу, ныне вы свободны, равны и братья. Протяните же друг другу по-братски руки и забудьте ваши обиды, созданные старым ненавистным строем.

Русские люди!

Простите киргизам, отныне вашим братьям, их невинный грех, как простило их уже Временное Правительство.

Киргизы!

Родные места вас ждут. Соседи ваши, незлобивые русские люди, готовы примириться с вами, подойдите же к ним с доверием и протяните им братскую руку.» [РГВИА, д. 4639, л. 107].

К сожалению, это была попытка выдать желаемое за действительное. Одно из первых указаний на сохранение враждебных отношений между казаками и русскими крестьянами, с одной стороны, и «киргизским» населением, с другой, можно найти в петиции из войскового исполкома семиреченских казаков от мая 1917 года, резко выступающих против того, что они воспринимают как цацканье с «киргизами», повинными, по их утверждениям, в неспровоцированных нападениях и страшных преступлениях, в том числе убийствах, изнасилованиях, пора-

бощении и издевательствах над пленными, насильственном обращении в ислам, насильственных браках, нападениях на церкви и конокрадстве — казаки хотели знать, почему совершители всех этих преступлений теперь получали амнистию вместо примерного наказания [РГВИА, д. 4639, л. 67—70].

В июле 1917 года «Туркестанский мусульманский совет» — это Шура-и Исламийя, организация, созданная теми, кого Адиб Халид обозначил как мусульман-реформаторов или «джадидов» [Khalid, 1995, 277—278], направил Керенскому телеграмму с сообщением, что в Семиречье «киргизы беспощадно убиваются поселенцами семиреченцами возвращающих из китая киргиз не пускают на свои места за ними... корма нет голодают продают жен детей доходят до того а убивают друг друга русские поселенцы семиречья вооружены киргизы безоружны нет слов описать положения киргиз горе несчастье море слез.» [РГВИА, д. 4639, л. 109]. В августе Пржевальский исполком также предупреждал об ухудшении отношений между русскими и киргизами и об угрозе анархии, а Шкапский, Тынышпаев, Орлов (глава крестьянского совета) и Джайнаков (глава киргизского совета) писали из Верного о необходимости срочно выделить средства на реабилитацию, чтобы избежать дальнейших вспышек насилия [РГВИА, д. 4639, л. 117, РГВИА, д. 4639, л. 135]. Волнения перекинулись на Ташкент. Наливкин писал о демонстрациях против продолжающихся кровопролитий в Семиречье и сообщал, что делегация киргизов из Пржевальска грозит принять решительные меры против русского населения, если насилию не будет положен конец [РГВИА, д. 4639, л. 150—154].

Принято считать, что Февральская революция положила конец репрессиям, последовавшим за восстанием 1916 г., когда Куропаткин и прочие колониальные чиновники были отстранены от должности и Временное правительство посулило мусульманскому населению Средней Азии лучшее будущее, где они станут, наконец, полноправными гражданами империи, со своими земствами и правом голоса в Учредительном собрании. Однако если взглянуть на ситуацию поближе, можно увидеть, что многие неприглядные тенденции сохранились: план Куропаткина разделить переселенцев и казахско-кыргызское население в Семиречье возродился в виде одной из рекомендаций комитета Тынышпаева-Шкапского, чиновники Переселенческого Управления, чья политика и практика внесли такой вклад в разжигание восстания, продолжали работать над своей программой переселения, и, самое главное, мелкомасштабные стычки между переселенцами и местными мусульманами продолжались, практически не ослабевая. Октябрьская «Революция» принесла с собой дальнейшее ухудшение ситуации: учитывая то, насколько Советы в Туркестане ассоциировались с европейским населением — в первую очередь, с солдатами и железнодорожными работниками [Буттино, 2007, 204—209; Khalid, 1996, 279—280; Yaroshevski, 1987, 77—100]. Можно предположить, что большая часть кровопролитий, которые последовали в 1917 и 1918 гг., выросла скорее из незатухающего недовольства колониальным правлением и этнической напряженности 1916 года, а не из какой-то новой революционной политики. Межэтнический антагонизм представляется более вероятным объяснением, нежели идеологические разногласия, для жестокой резни, которая последовала за уничтожением Кокандской автономии силами Ташкентского совета в феврале 1918 года [Буттино, 2007, 258—265]. В качестве другого примера можно привести расправу с таранчами (уйгурами), которую большевистские

войска устроили в Ату, Семиречье, позднее в том же 1918 году (Я благодарю Аблета Камалова, который предоставил мне свою неопубликованную статью на эту тему. — *примеч. авт.*).

И только после повторного завоевания Туркестана большевистскими войсками под командованием Михаила Фрунзе, за которым последовали чистки среди местных большевиков и осуждение их за «шовинизм», возникла новая политика, в результате чего проблема напряженных межэтнических отношений в Семиречье была решена за счет депортации большей части переселенцев и казацкого населения, а не за счет расселения казахов и кыргызов на малоплодородных землях [Pianciola, 2008, 101—143]. Предстоит еще много сделать прежде, чем мы окончательно разберемся во взаимодействии революции и колониализма в Средней Азии в момент восстания 1916 года, но уже сейчас не вызывает сомнений, что межэтнические конфликты и реваншизм продолжались и после февраля 1917 года.

Литература:

1. *Абашин С. Н. Наливкин В. П.* Будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть. Кризис Ориентализма в Российской Империи? // *Азиатская Россия. Люди и структуры Империи.* — Омск, 2005. — С. 43—96.
2. *Бекмаханова Н. Е.* Центральная Азия в Составе Российской Империи / Под ред. С. Н. Абашина, Д. Ю. Арапова, Н. Е. Бекмаханова. — Москва, 2008. — С. 228—292.
3. *Буттино М.* Революция Наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. — М., 2007. — С. 58—91 (original Italian ed. 2003).
4. *Будянский Д.* История беженцев-киргизов (1916—1927 гг.). — Бишкек, 2006. — 196 с.
5. *Брайнин С., Шарифо Ш.* Восстание казахов Семиречья в 1916 году. — Алма-Ата, 1935. — 104 с.
6. *Брусникин Е. М.* Переселенческая Политика Царизма в конце XIX века // *Вопросы Истории.* — 1965. — № 1. — С. 28—38.
7. *Брусина О. И.* Славяне в Средней Азии. — М., 2001. — 240 с.
8. *Васильев А. Д.* К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. // *Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии).* — М., 2016. — С. 108—113.
9. Восстание 1916 г. в Средней Азии // *Красный Архив.* — 1929. — № 34. — С. 39—94.
10. Война, Деньги и Дороговизна // *Туркестанские Ведомости.* — 09.06.1915.
11. Вопрос о дороговизне перед представителями городов // *Туркестанские Ведомости.* — 28.06.1915.
12. Военный Налог // *Туркестанские Ведомости.* — 14.07.1915.
13. *Галузо П. Г.* Вооружение русских переселенцев в Средней Азии. — Ташкент, 1926. — 90 с.
14. *Гинзбург А. И.* Переселенцы и местное население Туркестана в конце XIX — начале XX века // *Вопросы Истории.* — 1976. — №.2. — С. 201—205.
15. Как растут цены // *Туркестанский Курьер.* — 12.07.1916.
16. *Кастельская З. Д.* Восстание 1916 года в Узбекистане. — Ташкент, 1938. — 65 с.
17. *Кастельская З. Д.* Основные предпосылки восстания 1916 года в Узбекистане. — М., 1972. — 146 с.
18. *Ковалев П. А.* Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана (сентябрь 1916 г. — март 1917 г. // *Труды Среднеазиатского Государственного Университета им. В. И. Ленина.* Вып. ХС. Кн. 14. — Ташкент, 1957. — С. 63—115.
19. *Кривошеин А. П.* Записка Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 году. — СПб., 1912. — 88 с.
20. *Малтусынов С. Н.* Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная Дума России 1906—1917 гг. — Алматы, 2006. — 332 с.
21. *Моррисон А.* Суфизм, панисламизм, и информационная паника // *Tartaria Magna.* — 2013. — № 2. — С. 44—87.

22. Пален К. К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. // Переселенческое дело в Туркестанском крае. — СПб., 1910. — 430 с.
23. Сулейменов Б. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начала XX вв (1867—1907 гг). — Алма-Ата, 1963. — 411 с.
24. Татищев А. А. Земли и Люди. В гуще переселенческого движения (1906—1921). — М., 2001. — 370 с.
25. Такое управление государством — недопустимо. Доклад А. Ф. Керенского на закрытом заседании Государственной думы. Декабрь 1916 г. // Исторический Архив. — 1997. — № 2. — С. 4—22.
26. Турсунов Х. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент, 1962. — 428 с.
27. Чулошников А. П. К истории восстания киргиз в 1916 г. // Красный архив. — 1926. — Т. 3 (16). — С. 53—75.
28. Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начало XX в. // социально-экономический аспект. — Ташкент, 1983. — 128 с.
29. Хлебный вопрос // Туркестанский Курьер. — 10.08.1916.

Архивные материалы:

30. АВПРИ Ф. 147. Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 185.
31. АВПРИ Ф. 147 Среднеазиатский стол. Оп. 486. Д. 340.
32. РГВИА Ф. 1396. Оп. 2. Д. 736, 737.
33. РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 4639.
34. РГВИА Ф. 400. Оп. 1. Д. 4546. Ч. I.
35. ЦГА РК Ф. 19. Оп. 1. Д. 55.

На иностранных языках:

36. Buttino M. Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917—1920 // Central Asian Survey. Vol. 9. No. 4. — 1990. — pp. 59—74.
37. Brower D. Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916 // Jahrbücher für Geschichte Ost Europas. Vol. 44. No. 1. — 1996. — pp. 41—53.
38. Duishembieva J. Visions of Community: Literary Culture and Social Change among the Northern Kyrgyz, 1856—1924. Ph.D. Thesis. University of Washington. — Seattle, 2015.
39. Economic Relationships between Russia and Turkestan, 1914—1918, or How to Start a Famine in Transforming Peasants. Society, State and the Peasantry, 1861—1930 ed. J. Pallot. — London, 1998. — pp. 194—209.
40. Happel J. Nomadische Lebenswelten Und Zarische Politik: Der Aufstand in Zentralasien 1916. — Stuttgart, 2010. — 378 pp.
41. Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis. — Cambridge: MA, 2001. — 384 pp.
42. Holquist P. In Accord with State Interests and the People's Wishes: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration // Slavic Review. Vol. 69 No. 1. — 2010. — pp. 151—179.
43. Khalid A. Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan // Slavic Review. Vol. 55. No. 2. — 1996. — pp. 279—280.
44. Nazaroff P. S. Hunted Through Central Asia (Edinburgh: Wm Blackwood & Sons, 1932); F. M. Bailey Mission to Tashkent. — London, 1946. — 314 pp.
45. Morrison A. Sowing the Seed of National Strife in this alien region: the Pahlen Report and Pereselenie in Turkestan // Acta Slavica Iaponica. Vol. 31. — 2012. — pp. 1—29.
46. Sokol E. D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. — Baltimore: MD, 1954. — 185 pp.
47. Smele J. The "Russian" Civil Wars, 1916—1926. Ten years that shook the world. — Oxford, 2015. — 423 pp.
48. Stone N. The Eastern Front 1914—1917. — London, 1975. — 348 pp.
49. Pianciola N. Stalinismo di frontiera. Colonizzazione agricola, sterminio dei nomadi e costruzione statale in Asia centrale (1905—1936). — Rome, 2009. — 548 pp.
50. Pianciola N. Décoloniser l'Asie Centrale? Bolcheviks et colons au Semireč'e (1920—1922) // Cahiers du Monde Russe. Vol. 49. No. 1. — 2008. — pp. 101—143.

51. *Uyama T.* Two attempts at building a Qazaq State: The Revolt of 1916 and the Alash Movement in Stéphane Dudoignon & Hisao Komatsu (ed.) *Islam in Politics in Russia and Central Asia*. — London, 2001. — pp. 77—98.
52. *Yaroshevski D.* Russian Regionalism in Turkestan // *Slavonic & East European Review*. Vol. 65. No. 1. — 1987. — pp. 77—100.
53. *Willfort F.* *Turkestanisches Tagebuch. Sechs Jahre in Russisch-Zentralasien*. — Wien: Leipzig, 1930. — 327 pp.